

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Деревенька ты моя, деревенька. Часть 3

После праздника Ивана Купала, всё проходило почти неизменно. Я как всегда поднимался спозаранку, управлялся с домашним хозяйством, завтракал и снова работа, работа и ещё раз работа. Девчонки дрыхли до обеда, выпивали молочка с булкой и бежали через огород на речку загорать. К тяжёлому деревенскому труду, я не стал их принуждать, как требовала Настя. Вечерняя дойка всегда проходила вместе с Мариной. Она садилась мне на колени и доила Зорьку. А я «доил» её сисечки. На это действие скоса поглядывал Орлик. Даже Марина однажды поинтересовалась зачем мне конь, если во дворе столько техники. Но в сельской местности бывают такие погодные условия, что техника бессильна. И тогда в действие вступает «техника» мощностью в одну лошадиную силу под названием Орлик.

Если в первые разы действительно делал на её сосках сдаивающие движения, то впоследствии просто тискал и ласкал её сисечки. Девочка балдела. Поняв, что ей это очень нравится, я продолжал ласкать её грудь даже после того, как она заканчивала доить Зорьку. А Марина лишь томно постанывала да потиралась головой о моё плечо. Однажды доласкался до того, что она начала кончать. Я еле успел подхватить ведро с молоком, как сильные конвульсии заставили тело Марины беспорядочно дёргаться. Немного успокоившись, она прошептала: — Господи, как же это приятно.

— Мариш, а если бы ты своей писюхой была насажена на мой стержень (на котором ты сейчас сидишь), то было бы в тысячу раз приятнее. — Верю и прошу прощения, что из за этого вы мучаетесь. Но я очень боюсь. — Чего боишься? — Эээ... ну... я ещё ни разу с парнем... — Мариш, ты хошь сказать, что ты ещё целочка? — Угу, — почти неслышно выдохнула она. — В таком случае не смею настаивать. Хотя не верится. Если судить по вашему с Валюхой поведению. — Но к сожалению это правда. Не сердитесь, пожалуйста. Мне надо набраться решимости и я обязательно сяду на него. А можно его сейчас потрогать? — Раз тебе так хочется, то трогай.

Так как молоко было уже в сторонке, и мы просто стояли, то я стянул спортивные вместе с трусами до колен, а торчащий член гордо закачался перед глазами изумлённой Марины. Ощущения, когда твоего члена касаются неумелые девичьи руки не передать словами. — Ого! Какой он огромный! Теперь я еще больше боюсь. Он же в меня не влезет, а если влезет, то разорвет меня, — а сама в это время натянула шкурку на головку, — как интересно, хихих, головка спряталась в капюшон. — Глупенькая. Даром ты так переживаешь. Не спорю, в первый момент, когда целочка порвётся, будет боль, но она терпима. Да и не такой он и большой, как тебе кажется. Вот когда будешь кайфовать от его движений в твоей писюхе, тогда поймешь, что твои страхи ОЧЕНЬ преувеличены. — Возможно. Спасибо, что не отказали, — Марина быстро нагнулась, поцеловала головку и выбежала из сарая. Теперь всегда после дойки, она меня дровича, пока я не кончал. После этого она целовала головку и, стесняясь, убегала.

Однажды по радио объявили штормовое предупреждение: сильная буря и гроза с градом. Но на следующий день утро выдалось ясным и погожим. Как обычно синоптики ошибаются. Девчонки, как всегда, перед обедом лишь продрав глаза, убежали на речку. Хотя после обеда кое где начали появляться тучки. А фиг его знает, возможно синоптики и не ошиблись. На всякий случай укрепил стожки с сеном и поспешил домой. Уже почти дошёл домой, как

начались сильные порывы ветра, небо с одной стороны начало быстро заволакиваться огромной чёрно-синей тучей. Вот блин, а девчонки на речке! Они же не пройдут по огороду, если начнётся дождь. Вместо плаща накинул ОВЗК, впрыгнул в резиновые сапоги и под пронизывающим ветром с первыми каплями дождя выбежал к речке.

Небо мгновенно потемнело настолько, что казалось начинается вечер, вечерние сумерки. А я не успел до дождя, крупные капли начали прибывать пыль на иссохшей земле. Сначала они были редкими, но с каждой секундой дождь усиливался. Дорожка сразу стала скользкой. Чертыхаясь и чуть не падая, когда сапоги скользили, как на катке, я продвигался к речке. Сильные порывы ветра пытались содрать с меня резиновую накидку и умывали дождём (обязательно же надо дунуть прямо в морду!). Жаркий летний день превратился в осенний: холодный и дождливый. Холодный ветер забирался под накидку и заставлял ёжиться и дрожать от холода. И вдруг я чуть было не наступил на девчонок. Они видимо бежали домой, спасаясь от дождя и холодного ветра. Но не могли удержаться на ногах на сразу ставшей скользкой дорожке. Они попадали и пытались подняться, но снова падали, измазываясь в грязи. Поставив девчат на ноги, прикрыл их ОВЗК и, захватив за талии, понёс. Не смотря на сравнительно небольшой вес, нести их было очень тяжело. Во первых идти сколько, а во вторых они были измазаны в грязи и постоянно выскользывали из моих рук. Но хорошо, что хоть от дождя они были прикрыты накидкой. Всё равно ощущалось, как они дрожат от холода.

Я уже занёс их в дом, как снаружи послышалась громкая барабанная дробь. Выглянул в окно и офигел. Крупный град сыпался с небес. Во дворе становилось как зимой. Белым бело. Всё покрыто градом. Отдельные экземпляры были величиной со сливу. Пиздец урожаю! Но к этой тревоге добавились переживания за девчонок. Их непривычные и не закалённые организмы могли не выдержать такой смены температурного режима. — Так! Девочки, быстро в ванную! И включайте воду погорячее! Грязные и промокшие они направились к выходу. — Сцыкухи! Вы куда? В летний душ? Под град? Или не знаете, где санузел? Они молча, понуриив головы, повернулись и поплелись в ванную.

А я снова оделся и проскочил в помещение баньки. Блин, ох и больно бьётся град! Надо раскочегарить баньку и хорошенько их попарить, иначе заболеют. На удивление быстро удалось растопить. Подкидал побольше поленьев, чтобы хватило на 2—3 часа и молча наблюдал, как косые струи дождя барабанили в окно. Град уже перестал и сейчас был только сильный дождь с ветром. Неожиданный звонок мобилы заставил вздрогнуть. С какой то тревогой доставал его с кармана.

— Да. — Васильич!!! Выручай! Снежану градом прибило. Ой божечки, что же это такое! — послышался в телефоне женский голос вперемежку с плачем. — Тихо! Не реви! Скажи конкретно, где и как? — Возле одинокого клёна. — Понял. Знаю где это. Что именно случилось? — Снежана наверно уже гнала коров домой. Но сейчас она лежит под клёном. Добраться туда невозможно. Течение воды огромное и вода прибывает. Если через час её не достать, девочку смоеет водой вместе с тёлкой Матвеевны, будь она неладна. — Хорошо. Я сейчас буду. Варваре позвонили? — Да. Но она доехала по асфальту, а вгору, по грунтовке не может подняться. Очень скользко. — Ясно, ждите.

Это место я знал. Во время сильных дождей вода устремлялась по узкому ущелью, разливаясь иногда метров на 30—35. А посредине этого потока оказывался островок с клёном. Часто во время ливней этот островок полностью оказывался в потоке воды. Но на удивление клён

всегда оставался живой и невредимый. Мой мозг начал работать, как компьютер. Надо было учесть всё. Второй попытки спасти девочку не будет. Нашел капроновую верёвку (ещё дурак и раздумывал при покупке, нужно ли мне целых 100 метров). И еще одна веревка, которой иногда буксировал технику (тонкая, но очень прочная). В своё время Настя очень увлекалась альпинизмом, даже восхождения на какие то горы были. Поэтому дома было кое какое альпинистское снаряжение. Нашел две системы. Одну сразу же одел на себя, вторую пристегнул карабином. Взял обе верёвки и ещё несколько карабинов, не забыв проверить их работоспособность. Оседлал Орлика. Забежал в дом. — Девчонки! Я уехал. А вы нагрейте молока. И попейте горячего молока с вареньем (варенье в подполе).

Накинул на себя это резиновое дерьмо (ОВЗК очень ненавистная одежда в армии) и, вскочив на Орлика, вонзил шпоры в его бока. Не ожидавший такого, он с места сорвался в галоп и легко перемахнул через забор. А дальше слышно было лишь хлюпающий звук копыт на асфальте (как в мультике: «... а вода по асфальту рекой...») да противный звук дождя с сильными порывами ветра. И почему я подковал ему только задние копыта? Эх, надо бы и передние. Вскоре он уже домчался до места, где надо было сворачивать на грунтовку и подниматься вверх. Двигаться по дороге? Об этом нечего было и думать. Там с горы шел сильный грязевой поток. Пришлось продвигаться по обочине. Передние копыта Орлика часто скользили. Пару раз он падал вместе со мной. Я еле успевал выдернуть свою ногу из под его туши. — Поднимайся, миленький. Поднимайся, мой хороший, — поглаживал коня по холке. Несмотря на то, что у него передние ноги разъезжались на скользкой земле, мы довольно быстро добрались до места. Мощный и грязный водный поток стремительно нёсся по ущелью. Я тронул Орлика. Конь как знал, что надо осторожно ступать. Несколько раз у него разъезжались передние копыта, но он останавливался и снова осторожно продолжал движение. Я даже не подгонял его, надеясь на его чутьё. Когда выбрались на асфальт, погнал его галопом. Снежана толи засыпала в седле, толи теряла сознание. И мне приходилось её постоянно тормошить.

Сигать с ней через забор не рискнул. И только подъехал к калитке, как Карай начал разрываться в надсадном лае. Хм. На Снежану он не лает ещё с прошлого года (когда она приходила доить Зорьку и управляться по хозяйству во время жатвы). Значит, почувал чужого. Соскочил с коня, снял Снежану, почти безвольную и не совсем понимающую, что с ней в данный момент происходит. — Васильич! Погодь маленько! — послышался хриплый голос. — Как она? Оклималась?, — подходя поближе, поинтересовался один из самых старых односельчан, Михаил Петрович. Сказано — село. На одном конце бзднёшь, а на другом скажут — усрался. — Жить будет. Только замёрзла сильно. Вроде бы абсурдно замерзать среди лета. Но так уж вышло. — Ну да, ну да. Это нам очень противопоказано мёрзнуть. А она молоденькая. Отойдёт. Вот возьми медку. Свеженький. Вчера только качал. Пусть поправляется. Дай ей Бог хорошего здоровья. — Спасибо, Петрович. Зайдёшь? — Нет, благодарю, я пойду домой греть свои старые кости.

И только сейчас заметил, что рядом со Снежаной стоит её сестричка, прижимает молча её к себе, а слёзы катятся градом. — А это ещё что такое? Мало сырости на улице? Так ты ещё добавляешь? Сюзанна, до вас домой далеко, а ей срочно надо согреться. Ничего с ней не случилось, только замёрзла. Сейчас отогреется в баньке и будет как новенькая. Прошу тебя, пойдешь домой, успокой родных и скажи, что сегодня Снежана переночует у меня. — А можно я...? — Ёб твою мать!!! Ты меня слышишь?! Увидела, что она жива?! А теперь расскажи это

всем, чтобы не волновались! Вперёд! И с песней! Сюзанна с большой неохотой развернулась и похнюпившись, пошлёпала домой. Подхватил на руки Снежану и занёс в дом. — Девочки! Поухаживайте! А я пока Орлика привяжу, — и пошлёпал в свою комнату, оставляя на полу грязные, мокрые следы. Переоделся в сухое и пошел на улицу. Надо было подкинуть дров в баньке, да и с хозяйством управиться.

Пока почистил коня и завел в стойло, как замычала возле калитки Зорька. Кто то всё же пригнал стадо в деревню. Вскоре возле дома остановилась машина. Во двор зашла Варвара, придерживая под руку бабу Нюру. Нюрка держала в руках какой то узелок, а Варвара как всегда со своим медицинским саквояжем. В сочетании с фельдшером знахарка представляла самую надёжную скорую помощь во всей округе. И дело не в том, что все привыкли именно к ним обращаться. Несмотря на свой солидный возраст, баба Нюра обладала недюжинной силой. И могла сделать целебный массаж (именно целебный) не хуже мускулистого массажиста. Кроме того в её арсенале было множество трав, настоев и другой дребедени.

— Ух ты! Добро пожаловать светилам медицины! — Хватит, подъёбывать. Я тебя когданибудь клюкойогрею, — возмутилась Варвара. — Варя, не ругайся, как сапожник. Бог, накажет. — Да куда уж больше! Вон за рулём сидит моё наказание. Езжай домой!, я сама доберусь — крикнула она своему мужу, — Васильич, ну как девочка? — Не знаю. Я её передал своим девчатам. Пошли, сейчас увидим. — Правильно, Василь. Всё ты правильно сделал. Она с ровесниками быстрее поправится, — поддержала меня баба Нюра. Под навесом висело мокрое платье Снежаны и трусики. Вероятно девчонки её раздели и укутали во что то сухое.

— Доброго здоровьица, девоньки, — первой поздоровалась баба Нюра. — Здравствуйте. — Здравствуйте. — Только вас здесь и не хватало. И вам баб Нюр не хворать, — недовольно буркнула Снежана, исподлоба взглянув на Варвару. Девчонки сидели за столом и попивали молоко. Но только Валюшка с Мариной с вареньем, а Снежана с намазанным на булку мёдом. Она была прикрыта пледом и лишь руки с множеством синих пятен от ударов града выглядывали из под пледа. — Что это за возмущения?! Сейчас вас всех троих будем лечить! И чтобы выполняли всё беспрекословно. Иначе отстегаю ремнём за любое неповиновение. Особенно это тебя касается, — я грозно (насколько мог) посмотрел на внучку.

— Вася, не надо этой строгости. Они хорошие детки, послушные. Но потерпеть немного придётся. Василь, закутай Снежану потеплее, и отнеси её в баньку, неси сразу в парную. — Я и сама могу дойти, — не вытерпела Снежана. — А ты девочка сейчас не в том положении, чтобы как ёжик колючки наставлять. Сказала отнести, значит отнести. Негоже со старшими спорить. Василь! — Что?, — я недовольно остановился, держа Снежану на руках, возле двери. — Разденешь её и найди веничков. Желательно берёзовых, а не дубовых. И на минутку сюда заскочишь. Ну чего, как истукан стоишь! Иди!

Так хотелось гаркнуть в ответ, что она помыкает мной, как каким то юнцом, но сдержался. Обычно острая на язык и шустрая, как юла, в этот раз Снежана была тиха и кротка. Почему она была такой, мне дошло лишь после того, как в парной снял с неё плед. Вся спина, руки, попка и тыльная сторона ног была в темных точках (следы от ударов града). Было удивительно, как она в таком состоянии не стонет от боли. — Ложись на лавку. Я скоро вернусь. Снежана молча легла животом на лавку и отвернулась. Венички, конечно уже были приготовлены. Но разве можно хлестать по этим синцам? Я зашёл в дом. Сильный запах ладана, горящих свечек и ещё фиг его знает чего, забил мне дыхалку. Девчонки лежали голышом на животах на кровати (а может и не полностью голые, а в стрингах). Варвара как

раз отходила от них со шприцом. А баба Нюра что то колдовала возле стола, смешивая какие то свои микстурки. — Ага. Василь, ты вовремя. Вы с Варькой тоже мёрзли и мокли. Вот вам по рюмочке, для поддержания сил. — Зачем мне эта гадость? Я лучше самогоночки с поллитра вдую. — Я тоже не хочу. Найду как полечиться. — Нечего было тогда меня звать. Раз позвали — пейте без лишних разговоров. — Фуу, — не выдержала Варвара после того, как опрокинула в себя Нюркину микстуру. — Ну и гадость! Что это вы наколотили?, — пошло было настолько горьким и противным, что казалось желудок вернет всё назад. — Это для того, чтобы вы завтра были свеженькие, как огурчики. Но попариться вам сейчас надо обязательно. Василь! Чтобы отодрал Варьку как следует! — Тише, что вы такое говорите при детях? — Тише? Да они уже спят как младенцы. И теперь и пушкой не разбудишь до утра. Варька, укрой их, а то застынут. — Баб Нюра, нельзя Снежану хлестать веником. Она вся в синцах, побитая градом. — Василь! Ты же вроде немало прожил, а слышать не научился. Ей нужно было в парную, чтобы прогреться и возможно пропотеть. А венички понадобятся, чтобы вы с Варькой друг друга отодрали. Хихих. — Я перед чужим голым мужиком не буду раздеваться, — запротестовала Варвара. — А ты видишь ещё кого то? Кто бы мог тебя отхлестать, отодрать как сидорову козу. Не переживай, твой Павел не узнает, что ты парилась с Василём. Если конечно сама не расскажешь. А я, ты же знаешь, не треплюсь. Но сейчас пойдите вдвоём к девке и принесите её сюда, да не забудьте сполоснуть её тёпленькой водичкой. Когда я занёс Снежану в соседнюю комнату, Нюрка уже была там. — Ложись девонька на живот. И немного потерпи. Бабка зажгла свечку, шепча что то себе под нос. Достала какой то бутылёк. И налив немного в ладонь, начала легонько гладить Снежану по спине. Та безропотно лежала, как неживая. Странно, но даже мы с Варварой стояли, не смея шелохнуться. А бабка продолжала колдовать над Снежаной. Вскоре девочка мирно посапывала в глубоком сне. — А, вы здесь. Василь, проводи меня за калитку. А то твой волкодав меня загрызёт. И потом сразу идите с Варькой попарьтесь, чтобы завтра смогли нормально работать. Проводив бабу Нюру, я зашёл в дом. Варвара проверяла температуру у Снежаны. — Ну и ведьма. Я не могу логически объяснить её действия, не верю, что эти микстурки и молитвы могут помочь, но факт остаётся фактом. У Снежаны даже температура нормальная. И дыхание как у здорового человека. Одним словом мистика. — Ладно, пошли и мы выполнять приказания бабы Нюры. Попариться действительно надо, а то я здорово перемерз в этой воде. Да и ты тоже была в одном платице под дождём. А болеть нам никак нельзя. В предбаннике начали молча раздеваться. Но стоило Варваре только снять платье, как член мгновенно стал по стойке смирно. — И не думай. Не дам. — Варя, при чём я? У него своя голова есть. Он думает независимо от меня. На мой взгляд у него вполне нормальная реакция на красивое женское тело. И не бойся. Не спорю, мне очень хочется засадить тебе по самые помидоры. Но без твоего согласия этого не сделаю. Я же не насильник. — Ну да. Не насильник, а член, как мачта торчит. Так в беззлобном споре лежали на полатах животами вниз. Мне было очень некомфортно. Член упирался в дерево. Поэтому пришлось его поправить и прижать собственным весом. А ему это очень уж не нравилось. Потом я встал и начал хлестать Варвару березовым веничком. Член при движениях раскачивался и часто касался тела Варвары. Но она ничем не выдавала, что ощущает эти касания. — Переворачивайся на спину. Сейчас и спереди отхожу. Она перевернулась на спину и прикрыла груди ладошками. — Стесняешься? — Дурак ты, Вася. Если ты веником попадёшь мне по груди, то это будет равносильно тому, что тебе по яйцам. — Извини как то не подумал. Когда у Варвары и живот,

и ноги покраснели от пара и ударов, она поднялась. — Ну держись! Теперь я отыграюсь, отхлестаю так, что пощады запросишь. Поправив член, лёг на живот. Варвара принялась исполнять свою угрозу. И её удары были довольно сильные. Ежедневный сельский труд покруче любого тренажёрного зала. — Хватит с тебя. Переворачивайся! Я перевернулся на спину. Член гордо закачался, как мачта. Варвара уставилась на него. Потом отбросила веник и, перекинув через меня ногу, взялась за член, направила его в себя и мягко на него опустилась. Её щелка плотно обхватила член по всей длин. Как будто она и не рожала.

— Извини, не смогла удержаться. Впервые за столько лет почувствовала в себе член. Господи, как же это приятно, — промурлыкала она, плавно покачиваясь на хую. — Варь, что то до меня не дошло. А Паша что же? — Ничего плохого в отношении его не могу сказать, — с закрытыми глазами ответила Варвара, нанизываясь не спеша на член, — в молодости он меня за один заход доводил раз 10 до оргазма. А сейчас его заколебал простатит. Поэтому увы, он не в состоянии даже раз довести меня. Хотя ты гораздо старше его и похоже не страдаешь от него. — Еще бы страдать, когда ты такая тугая. Вроде и не рожала. — Конечно не рожала. — ? — Разве забыл, как судачили по деревне? Мне же кесарево делали. Кости таза не разошлись.